

Н. Г. Дебольский

**Философия феноменального
формализма**

Том 1. Метафизика. Выпуск 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н11

Н11 **Н. Г. Дебольский**
Философия феноменального формализма: Том 1. Метафизика. Выпуск 1 / Н.
Г. Дебольский – М.: Книга по Требованию, 2021. – 184 с.

ISBN 978-5-458-54647-8

ISBN 978-5-458-54647-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

были печатаемы мною до сихъ поръ лишь отрывки, и перечислять ихъ здѣсь я не вижу надобности.

Терминъ „метафизика“ въ широкомъ значеніи его означаетъ вообще ученіе о сверхъопытномъ и въ этомъ смыслѣ тождественъ термину „философія“ *). Но для удобства терминологіи предпочтительнѣе, сохраняя терминъ „философія“ для обозначенія всей совокупности науки о сверхъопытномъ, означать именемъ метафизики *первую* часть этой науки, излагающую ученіе о *методѣ* и *началѣ*. Эту первую, печатаемую нынѣ, часть я предполагаю издать въ свѣтъ въ двухъ выпускахъ: настоящій, *первый*, выпускъ содержитъ критическое вступленіе въ метафизику; *второй* выпускъ будетъ заключать въ себѣ положительное ея ученіе. Отдѣленные отъ текста примѣчанія служатъ для тѣхъ изъ читателей, которые пожелаютъ глубже вникнуть въ историко-критическую сторону моего труда; тѣ-же, которые не находятъ въ этомъ надобности, могутъ ограничиться чтеніемъ одного текста.

4 Октября 1891 года.

*) Всякая философія, какъ наука о первопринципѣ, есть наука о сверхъопытномъ, такъ какъ первопринципъ есть основаніе самого опыта, и, стало быть, непремѣнно сверхъопытна. И философія эмпиризма изслѣдуетъ сверхъопытное; она только приходитъ по отношенію къ этому сверхъопытному къ отрицательному результату.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ МЕТАФИЗИКУ.

Философія есть наука *первичныхъ* истинъ, т. е. наука, возводящая изслѣдованіе своего предмета къ *первому* началу, къ началу, далѣе котораго нашъ умъ не можетъ восходить по самой его природѣ. Этимъ отличается *философія* отъ того вида знанія, который именуется *частною* или *спеціальною* наукою; ибо начала, къ которымъ возводятъ спеціальныя науки свои изслѣдованія, суть начала, начертанныя не самою природою ума, а нѣкоторыми условными предположеніями, далѣе уже не изслѣдуемыми. Вслѣдствіе того, эти начала не первыя, а вторыя; а потому и истины спеціальныхъ наукъ суть не первичныя, а вторичныя, не такія истины, которыя коренятся въ самомъ строѣ ума, а такія истины, которыя признаются умомъ лишь подъ нѣкоторыми, допущенными имъ безъ изслѣдованія, условіями. Такъ, напримѣръ, естествознаніе содержитъ истины о вещественной природѣ; но для установленія этихъ истинъ естествознаніемъ допускается предположеніе о независимомъ отъ насъ существованіи вещественной природы, предположеніе, законность котораго естествознаніемъ не пробѣряется. Математика содержитъ истины о величинахъ; но понятіе величины съ его атрибутами она не выводитъ или не образуетъ, а также беретъ какъ готовое предположеніе. Поэтому, истины математическія или естественно-научныя суть истины лишь въ той мѣрѣ, въ какой справедливы допущенныя этими спеціальными науками предположенія. Провѣрка

справедливости сказанныхъ предположеній составляетъ уже предметъ не математическаго или естественно-научнаго, но философскаго изслѣдованія, для котораго понятія вещества или величины не суть готовые или данныя, но подлежатъ разбору по первичнымъ началамъ ума. Возможно, что по этимъ началамъ понятія вещества и величины будутъ оправданы именно въ томъ видѣ, въ какомъ они предполагаются естествознаніемъ и математикою: тогда истины этихъ наукъ окажутся имѣющими не только специально-научное, но и философское значеніе. Но возможно (какъ бывали тому примѣры), что философія скажетъ „понятіе самостоятельной вещественной природы есть понятіе ложное“ или „понятіе величины содержитъ неразрѣшимыя для ума противорѣчія и, слѣдовательно, имъ не оправдывается“; въ такомъ случаѣ, законы естествознанія и положенія математики, сохраняя свою условную цѣнность для того круга интересовъ, который побуждаетъ людей дѣлать приводящія къ нимъ предположенія, лишатся цѣнности философской, т. е. потеряютъ значеніе убѣжденій, обязательныхъ для ума, какъ такового, не связаннаго случайными для его природы требованіями.

Это опредѣленіе философіи, какъ науки перваго начала, таково, что его одинаково можетъ принять и скептикъ и защитникъ возможности положительной метафизики, такъ какъ оно нисколько не предрѣшаетъ вопроса о *содержаніи* первичныхъ истинъ. Если человѣкъ говоритъ даже „по свойству человѣческаго ума всякая истина сомнительна“, то и это сужденіе есть *первое начало*, есть философія, хотя и отрицательная. Такимъ образомъ, приходится защищать не данное нами опредѣленіе философіи, но лишь тотъ пріемъ или способъ, посредствомъ котораго мы имѣемъ въ виду установить первичныя истины. Способъ этотъ вытекаетъ изъ самаго понятія перваго начала. Если первое начало есть то, въ которомъ выражается природа ума, какъ такового, то ключемъ къ нахожденію этого начала и должно служить изслѣдованіе свойствъ или природы ума, какъ такового, т. е. ума, освобожденнаго отъ всѣхъ случайныхъ его опредѣ-

лений. Для ближайшаго уясненія этого способа надлежитъ, стало быть, рѣшить, въ чемъ должно состоять такое самоисслѣдованіе ума.

Въ дѣлѣ самоисслѣдованія ума намъ открываются два пути: одинъ, который можетъ быть названъ психологическимъ, и другой, который можно назвать метафизическимъ. Первый путь состоитъ въ *опытномъ обнаруженіи* первичныхъ, неразложимыхъ элементовъ ума; второй путь есть путь ихъ умозрительнаго вывода. Первый путь, въ свою очередь, представляется въ двоякомъ видѣ: какъ путь *прямаго* и какъ путь *косвеннаго* опытнаго анализа. Такимъ образомъ, мы имѣемъ *три* частныхъ способа самоисслѣдованія ума, относительныя достоинства которыхъ и должны теперь рассмотретьъ.

1) Способъ прямого опытнаго анализа ума, или *интроспективный* способъ, заключается въ рѣшеніи, на основаніи непосредственнаго свидѣтельства сознанія, вопроса о томъ, что именно въ нашемъ умѣ не поддается дальнѣйшему разложенію и что, слѣдовательно, должно считаться въ немъ элементарнымъ, простымъ и, какъ таковое, *первымъ*. Этотъ способъ представляется самымъ простымъ и легкимъ; но онъ никакъ не можетъ привести къ удовлетворительному рѣшенію настоящаго вопроса. Для правильности интроспективнаго анализа требуется, чтобы человѣкъ, приступая къ нему, предварительно очистилъ свой *анализующій* умъ отъ всякихъ тенденцій и настроеній, случайныхъ и невытекающихъ изъ основныхъ свойствъ ума, т. е. чтобы этотъ *анализующій* умъ былъ самъ предварительно анализированъ, и основные элементы его уже познаны; слѣдовательно, интроспективный путь самоисслѣдованія ума предполагаетъ, что прежде, чѣмъ онъ *начатъ*, онъ уже *пройденъ*. Онъ вращается, стало быть, въ логическомъ кругѣ, заранѣе осуждающемъ его на бесплодность. Если *Берклей* говоритъ, на примѣръ, что въ нашемъ умѣ существуетъ только конкретное, все-же отвлеченное есть только *слово*, то, очевидно, что, для установленія такого основоположенія, онъ

долженъ былъ приступить къ изслѣдованію ума уже съ заранѣе составленнымъ мнѣніемъ, что имѣть что-либо въ умѣ—значить имѣть это что-либо въ *образѣ*; т. е. его интроспективный анализъ предполагался произведеннымъ ранѣе своего осуществленія: онъ нашелъ въ умѣ лишь то, что самъ пожелалъ заранѣе въ него вложить.

Сверхъ того, какимъ-бы орудіемъ ни былъ произведенъ интроспективный анализъ, для увѣренности въ правильности его результатовъ, надлежитъ имѣть увѣренность въ достаточной силѣ этого орудія надъ любымъ умственнымъ образованіемъ. Невозможность, на данномъ уровнѣ развитія сознательной жизни, раздѣлить представленіе на двѣ отдѣльно представляемыя части еще не доказываетъ, чтобы эти части первоначально или на болѣе ранней ступени развитія не были раздѣлимы; и, слѣдовательно, непосредственный интроспективный анализъ данныхъ сознанія никогда не заключаетъ въ себѣ ручательства въ томъ, что онъ достигъ дѣйствительно первичныхъ элементовъ ума. Дѣйствіе ассоціаціи нерѣдко можетъ образовать группы, повидимому нерасторжимыя, изъ частей, первоначально раздѣльныхъ. Вслѣдствіе того, относительно всѣхъ будто-бы первичныхъ истинъ, добытыхъ интроспективнымъ путемъ, возникаетъ сомнѣніе въ ихъ дѣйствительной первичности. Если, напримѣръ, *Ридъ* указываетъ на то, что съ актомъ воспріятія связано убѣжденіе въ отдѣльномъ отъ насъ бытіи воспринимаемаго предмета; если *Гамильтонъ* утверждаетъ, что въ сознаніи непосредственно дано различеніе *я* и *не-я*,—то противники этихъ мыслителей всегда могутъ возразить, что это такъ по свидѣтельству развитаго сознанія, но такъ ли это для сознанія неразвитаго—остается спорнымъ. А такъ какъ интроспективный анализъ не въ состояніи проникнуть въ ходъ сознательной жизни на первыхъ ея шагахъ, то противъ подобнаго возраженія онъ остается совершенно безсильнымъ.

2) Приверженцы способа косвеннаго опытнаго анализа ума, сознавая вышеуказанныя несовершенства интроспектив-

наго анализа, не придаютъ существеннаго значенія непосредственному свидѣтельству сознанія въ пользу расторможности или нерасторможности данныхъ развитому сознанію умственныхъ образованій. Они анализируютъ эти образованія не прямо, а при помощи предварительно установленныхъ законовъ развитія души. Такъ, напримѣръ, приверженцы англійской опытной психологіи, полагая эти законы *въ законахъ ассоціаціи*, пытаются гипотетически построить всякое умственное образованіе исключительно изъ чувственныхъ элементовъ, связуемыхъ постояннымъ дѣйствіемъ ассоціаціи, и затѣмъ провѣрить эти гипотетическія построенія непосредственнымъ свидѣтельствомъ развитаго сознанія. Этимъ путемъ они находятъ возможнымъ обнаружить сложность въ такихъ представленіяхъ, которыя для интроспективнаго анализа являются простыми, напримѣръ, въ представленіяхъ вещества, пространства, даже самого субъекта сознанія. Насколько удастся имъ такая попытка, — это вопросъ, въ рѣшеніе котораго мы не намѣрены теперь вдаваться. Но во всякомъ случаѣ этотъ приемъ предполагаетъ также уже извѣстнымъ то, что онъ имѣетъ въ виду обнаружить — основную природу или основныя свойства ума. Положимъ, что знаніе законовъ ассоціаціи дѣйствительно даетъ намъ возможность разложить всякое данное сознанія на его простѣйшіе элементы и показать, какъ оно изъ нихъ образовалось. Но откуда почерпаемъ мы знаніе этихъ самыхъ законовъ? Источникомъ этого знанія можетъ служить, очевидно, лишь тотъ же интроспективный анализъ, который отвергается ассоціационною психологіею; т. е. не допуская, чтобы на основаніи этого анализа ихъ противники имѣли право приходить къ заключенію о первичномъ строѣ ума, психологи, превозносящіе начало ассоціаціи, приходятъ къ этому заключенію на томъ-же, осуждаемомъ ими, основаніи. Если отъ состояній развитаго сознанія нельзя дѣлать заключенія къ состояніямъ неразвитаго сознанія, то нельзя дѣлать заключенія и въ томъ смыслѣ, чтобы процессъ ассоціаціи совершался во второмъ также, какъ въ первомъ; слѣдовательно, отрицаніе

прямого опытно-психологического анализа есть отрицаніе возможности и косвеннаго анализа: поражая *Рида* и *Гамильтона*, *Дж. Ст. Милль* и *Бенз* поражаютъ и себя самихъ. Правда, приверженцы косвеннаго психологического анализа могутъ указать, какъ на отличіе своего направленія отъ направленія интроспективнаго анализа, на то обстоятельство, что для нихъ результаты интроспективнаго изслѣдованія имѣютъ значеніе не безусловно-достоверной истины, а лишь гипотезы, пользуясь которою для анализа явленій, они, вмѣстѣ съ тѣмъ, провѣряютъ ее. Это различіе, конечно, существенное и клонящееся вполне въ пользу косвеннаго анализа, какъ орудія специально-психологическаго изслѣдованія. Но коль скоро мы признаемъ психологическій законъ, служащій средствомъ косвеннаго психологическаго анализа, нуждающеюся въ провѣркѣ гипотезою, то этотъ законъ не можетъ уже быть *первичною истиною ума*; какое-бы значеніе ни принадлежало ему въ области извѣстной специальной науки, значеніе его, какъ философскаго начала, ничтожно. Дѣйствительно, всякая гипотеза есть положеніе, которое принимается или отвергается сообразно тому, удовлетворяетъ оно или нѣтъ признаваемымъ за истины правиламъ научнаго познанія. Слѣдовательно, *истина* гипотезы опредѣляется *истиною* этихъ правилъ, т. е. истина гипотезы всегда есть *вторичная истина*, *переле* которой суть истины логическія, управляющія дѣятельностью познанія вообще. Положимъ, на примѣръ, что психологическіе законы ассоціаціи совершенно истинны; но они истинны потому, что нашъ умъ, сообразно руководящимъ его правиламъ, призналъ ихъ за истину, и, слѣдовательно, истина этихъ правилъ ума *первоначальнѣе*, чѣмъ истина законовъ ассоціаціи. Руководясь названными законами, мы, стало быть, никакъ не дойдемъ до *первоначальнаго* въ умѣ, такъ какъ это первоначальное уже предполагается, какъ условіе истины самихъ законовъ ассоціаціи. И въ этомъ отношеніи, интроспективное изслѣдованіе стоитъ по отношенію къ предположенной имъ задачѣ крѣпче, чѣмъ изслѣдованіе по началу ассоціаціи. Защитники интроспективнаго пути при-

нимаютъ за аксіому безусловную достовѣрность непосредственнаго свидѣтельства сознанія: результаты этого свидѣтельства суть, слѣдовательно, по ихъ мнѣнію, не гипотезы, подлежащія дальнѣйшей провѣркѣ ума, а дѣйствительныя *начала*, отъ которыхъ умъ обязанъ исходить, и съ которыми онъ долженъ сообразоваться. Напротивъ, ассоціационисты устанавливаютъ законы развитія души, первоначально какъ гипотезы, которыя становятся истинами только послѣ ихъ провѣрки, и, стало быть, первоначальность все таки остается при этомъ за провѣряющимъ и контролирующимъ умомъ, дающимъ *первыя начала*, на которыя опираются законы ассоціаціи, уже какъ начала *историчныя*. Правда, ассоціационная психологія самый умъ считаетъ произведеніемъ ассоціаціи. Но если согласиться съ этимъ, то рѣшительно станетъ не понятно, какимъ образомъ возможна не только какая-либо философія, понимаемая въ смыслѣ самоизслѣдованія ума, но и какая-либо психологія. Гипотеза ассоціаціи провѣряется правилами ума; но эти правила сами предполагаются происходящими изъ ассоціаціи, слѣдовательно, истина ихъ также гипотетична. Стало быть, выходитъ, что истина гипотезы провѣряется при помощи ея-же самой,—пріемъ, уничтожающій возможность какой-бы то ни было науки. Если возможенъ психологическій анализъ при помощи начала ассоціаціи, то это начало или должно признаваться за безусловно-достоверное, или опираться на какое-либо другое начало. Но признать первое значитъ признать безусловную достовѣрность интроспективнаго изслѣдованія; а признать второе значитъ признать, что начало ассоціаціи не есть первое или философское начало.

3) Въ виду изложеннаго, надлежитъ согласиться, что самоизслѣдованіе ума вообще не можетъ происходить опытно-психологическимъ путемъ. Это самоизслѣдованіе касается первыхъ началъ ума, слѣдовательно, такихъ началъ, которыя составляютъ условіе самаго опыта и довѣрія къ его свидѣтельству. Даже философія чистаго эмпиризма, утверждающая, что всякое познаніе коренится исключительно въ чув-

ственности и не может превысить ея границы, не имѣть права утверждать, что она почерпнетъ это убѣжденіе также изъ чувственности. Какимъ образомъ чувственное знаніе можетъ знать, что сверхчувственного знанія нѣтъ? Развѣ сверхчувственное знаніе можетъ составить предметъ чувственного знанія? Чувственность имѣетъ право сказать, что *она* не въ состояніи перейти за свои собственные границы, но не имѣетъ права сказать, чтобы эти границы были *вообще* не переходимы. Если чувственность произноситъ сужденіе о непознаваемости сверхчувственного, то выходитъ, что сверхчувственное доступно чувственному изслѣдованію, т. е., что чувственность есть нѣчто большее, чѣмъ чувственность. Очевидно, поэтому, что если эмпиризмъ отрицаетъ сверхчувственное знаніе, то *не чувственность* въ правѣ его къ тому уполномочить. Это убѣжденіе есть для него нѣкоторая истина, предваряющая и подчиняющая себѣ самую истину чувственного знанія, такъ что послѣдняя истина становится истиною лишь потому, что предварительно признана первая истина. Поэтому, путь даже къ философіи эмпиризма есть путь *не психологическаго опыта*, а *метафизическаго умозрѣнія*.

Для этого метафизическаго умозрѣнія опытъ вообще, а, слѣдовательно, и психологическій опытъ, служить не руководителемъ, а только *предметомъ объясненія*. Первичныя, философскія истины устанавливаются *по поводу* опыта, какъ тѣ сверхчувственныя условія, которыя дѣлаютъ возможнымъ самый опытъ. Въ этомъ качествѣ предмета объясненія, опытъ участвуетъ и играетъ весьма важную роль въ умозрительномъ выводѣ перваго начала. А именно, должно быть объяснено, *что* побуждаетъ умъ восходить къ нему (началу) отъ опыта, и по какимъ ступенямъ совершается такое восхождение; въ результатѣ этого изслѣдованія должно выясниться содержаніе искомаго начала, а затѣмъ изъ найденнаго содержанія долженъ быть объясненъ и самый опытъ.
